

ШЕПТУН.

КУКРЫНИКСЫ-59

К Р О К О Д И Л

№ 13 (1555) ● МОСКВА ● ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ● ГОД ИЗДАНИЯ 37-й ● ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к. ● 10 МАЯ 1959

ВСЯК ДЛЯ СЕБЯ, ВСЯК ПО-СВОЕМУ

ВВЕДЕНИИ Харьковского совнархоза имеется немало больших и малых заводов.

И хотя они находятся друг от друга не за горами каменными, каждому — в смысле обеспечения себя всем необходимым — предоставлена полнейшая автономия.

Нужно, скажем, на тридцати предприятиях сделать какую-нибудь деталь или узел к станку. И вот ее усаживают изобретать тридцать творческих коллективов на тридцати различных заводах.

Деталь, как правило, влетает в копейку. И немалую! На нашем заводе транспортного машиностроения эта «копеечка» составила в прошлом году миллион с лишним рубликов. А затраты на изготовление запасных частей — больше трех миллионов. В целом по совнархозу — несколько сот миллионов.

— Да что там детали и запчасти, — улыбаются машиностроители, — разве они только? Инструмент тоже мастерим всяк для себя, всяк по-своему.

— Правильно, — подтверждают руководящие лица из совнархоза, — предоставляем людям полнейшую инициативу. Пускай себе творят, выдумывают, пробуют.

И люди творят. На том же нашем заводе ежегодно инструмента расходуется на 15 и более миллионов рублей.

И на других предприятиях в тех же графах расхода красуются те же восьмизначные цифры.

Случается, и довольно часто, что одну и ту же дисковую фрезу «изобретают» одновременно на нескольких заводах: на одном мастерят десяток, на втором — шесть штук, на пятом — три.

В золотую монету обращаются предприятиями эти штуки. Взять, к примеру, обыкновенное шестимиллиметровое сверло. Прейскурантная цена его — пятьдесят копеек. А вот когда сверло сработает своими силами, оно обходится в шесть раз дороже.

В двенадцать рублей «округляются» плашки для нарезки резьбы. А ведь красная цена им — два рубля пятнадцать копеек.

Трудно представить себе предприятия Харьковского совнархоза без специальных цехов по изготовлению болтов и гаек, шпилек и прочих крепежных деталей.

Руководители Харьковского совнархоза не без гордости заявляют, что на одном только заводе транспортного машиностроения на гайки брошено триста человек. И не каких-либо, а высокой квалификации.

«Целесообразность» такой организации подкрепляется справкой:

— Что ни секунда, то гайка.

Правильно, секунда! Но ведь для того, чтобы переналадить автомат с гайки на шпильку, уходят часы. И не один, а два с половиною — три часа.

А вот об этом-то в рапортах стыдливо умалчивается.

Можно ли организовать централизованный выпуск трудоемких узлов, деталей и запасных частей к станкам, а также инструмента? Можно ли одному заводу специализироваться на одних запчастях и инструментах, другому — на других, третьему — на третьих?

Можно! Москвичи, например, давно уже так и сделали.

А в Харькове и поныне каждый завод кует собственные гайки и шпильки, сверла и фрезы. Бережно соблюдается полнейшая независимость друг от друга. Жаль, что не столь бережно относятся здесь к государственной копейке!

Руководитель постоянного поста Крокодила на Харьковском заводе транспортного машиностроения

Ю. НЕЗЫМ,

бригадир бригад коммунистического труда сборщиков тепловозов и дизелей

М. СЕРЕДА и Г. ЛАВРЕНТЬЕВ,
токарь В. КУРИЛКО, работник
заводского радио Ф. РАХЛИН

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

— А как у вас в колхозе обстоит дело с водоплавающей птицей!
— Порядок!..

Губа ли Вахтер?

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ

ВРЕМЕНИ у приезжего из города Энгельса было в обрез. Прямо с вокзала он отправился в Госплан РСФСР.

Многоэтажное здание, нафаршированное десятками всевозможных отделов, ошеломило. Будучи не в силах самостоятельно ориентироваться, приезжий (назовем его, если не возражаете, Петром Петровичем Петровым) обратился за первой помощью к степенному вахтеру. Так, мол, и так, прибыл с левого берега Волги, со строительства завода искусственного волокна, и хотел бы выяснить судьбу двух писем, посланных председателю Госплана товарищу Новикову. Самого Владимира Николаевича беспокоить не хотелось бы: он наверняка сделал все необходимые распоряжения. В какую же комнату обратиться за справкой?

Вахтер, как водится, расправил усы, протер (это тоже так водится) очки и вдруг ответил словами комментатора на шахматном турнире:

— Возможны варианты.

— То есть как? — опешил Петров.

— А очень просто, — разъяснил интеллигентный вахтер. — Письма были насчет завода искусственного волокна? Значит, могли попасть в отдел химии. Но, с другой стороны, волокно идет на ткани? Следовательно, те же письма могли оказаться и в отделе легкой промышленности. А с третьей стороны, ваша стройка расположена, если я не ослышался, на Волге? Тогда надо и в отделе Поволжья поискать.

— А какой вариант наиболее вероятен?

— Этого вам, уважаемый, ни один человек на всех пяти этажах не скажет. Наведитесь на всякий случай к инспекторам по приему входящей корреспонденции.

МЕЖДУ ДВУХ ЭТАЖЕЙ

ПЕТР Петрович подумал, что вахтер его разыгрывает. Но в комнате за соответствующим номером действительно сидели инспекторы по входящей корреспонденции на имя председателя Госплана. Полученная от них справка полностью подтверждала сообщения вахтера о «возможных вариантах». Два письма были посвящены одному вопросу, а попали в разные отделы.

Едва переступив порог отдела Поволжья, Петр Петрович сказал:

— К вам направлено канцелярией председателя срочное письмо из Энгельса. Насчет задержки проектной документации.

— Как же, знаем! — сочувственно отозвались работники отдела во главе со своим руководителем тов. Гальперсоном. — И считаем, что вы совершенно правы. Проектный институт действительно безобразничает...

Обрадованный взаимопониманием, Петров поинтересовался решением Госплана. Но оказалось, что Госплан пока ничего не решил. Не прошло еще и трех недель, а дело ведь надо основательно провентилировать...

Порог отдела легкой промышленности Петр Петрович перешагнул с тем же вопросом:

— К вам направлено срочное письмо о задержке проектной документации...

— Как же, знаем! — без всякого сочувствия отозвались легкопромышленники. — Проектный институт работает — лучше нельзя! И главный инженер проекта тов. Костров совершенно прав. Дело не в каких-то отдельных чертежах, не в графике, а в общем проценте выполнения плана. А процент вполне приличный и оснований для беспокойства не дает. С этим и заместитель председателя Госплана тов. Мастеров согласен.

И застыл гонец с левого берега Волги на госплановской лестничной площадке и сам с собой, как в сказке, заговорил:

— На один этаж пойдешь — ничего, кроме сочувствия, не найдешь. На другой пойдешь — совсем пропадешь. А как мне все толком выяснить? Может, лично к главному инженеру проекта обратиться? К тому именно товарищу Кострову, которого один отдел Госплана считает великим грешником, а другой — святым праведником?..

КАЖДЫЙ К СВОЕМУ...

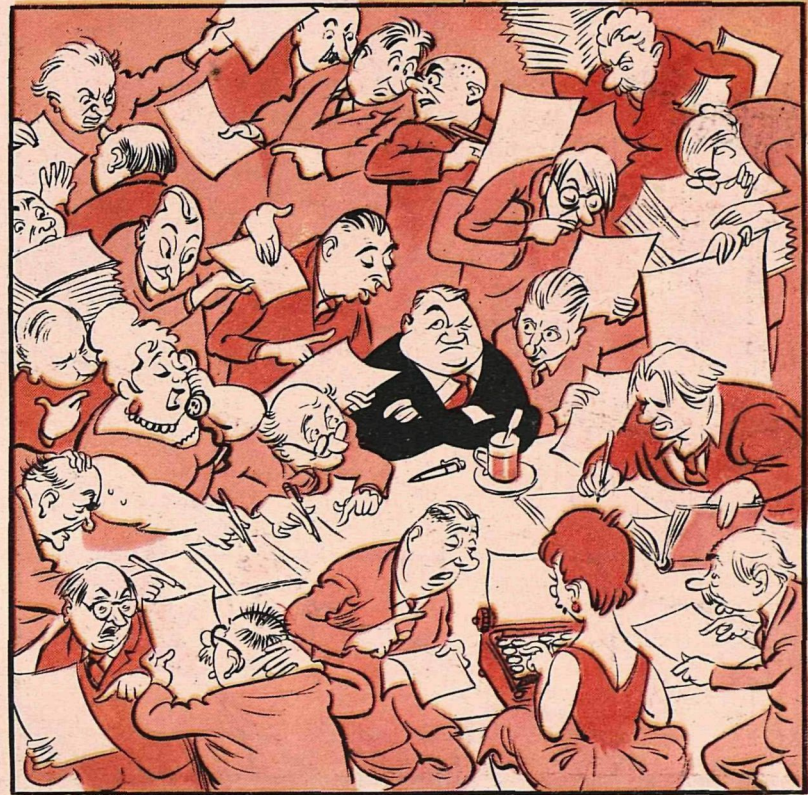
ВСЯКИЕ бывают случаи... Вышли в Мытищах из вагона электрички три пассажира, разговорились — и узнали, что держат путь в одно место.

Иван Иванович прибыл из Кировакана. Сидор Сидорович — из Серпухова, Петр Петрович, как знаете, из Энгельса. А направлялись все трое в институт по проектированию предприятий искусственного волокна. Каждый — к главному инженеру своего проекта.

— Он у нас целый год не был, — посоветовал Иван Иванович. — Буду просить товарища Кострова выехать немедленно.

— А почему, собственно, вы с этой просьбой к товарищу Кострову адресуетесь? — не без ехидства осведомился Петр Петрович. — Есть у вашего проекта свой главный инженер — его и приглашайте!

Таковую же претензию заявил Сидор Сидорович. И тут выяснилось, почему главный инженер бывает у своих подопечных не ча-

Доклад писали все за одного...

(Продолжение см. на следующей странице).

ще, чем раз в год. Не разорваться же Кострову, в самом деле, между Кироваканом, Серпуховом и Энгельсом!..

Хотите верить, хотите нет, только ходки разыграли своего коллективного главного инженера «на узелки» — и первая очередь на прием досталась энгельсовцу. Однако радости ему было мало! Петров допытывался, почему до сих пор нет рабочих чертежей, которые надо было сдать по графику давным-давно. Костров же все больше оперировал «общим процентом готовности»...

Так и не договорились. А когда кировакано-серпухово-энгельсовский главный инженер начал упираться на то, что без отсутствующего оборудования никакие чертежи не помогут, Петр Петрович решил снова побывать в Госплане.

— Пойду, — сказал он себе, — к тому усатому вахтеру. Авось, опять что-нибудь дельное скажет...

ЧЬЕ ЖЕ ЭТО ДЕЛО?

УСАТЫЙ вахтер встретил Петра Петровича как старого знакомого.

— Идите, — сказал он, — прямехонько в отдел химии. Там такими делами очень даже интересуются.

И в самом деле, главный специалист отдела химии по искусственному волокну тов. Самарский принял Петра Петровича весьма приветливо.

— Искренне рад, — сказал он. — Хочется, понимаете ли, узнать обо всем от очевидца. Ведь этот наш завод должен скоро вступить в строй. Ну, расскажите же: как там, что?..

Со своей стороны тов. Самарский не смог удовлетворить законное любопытство Петра Петровича. Да, с поставкой оборудования дело обстоит как будто не совсем благополучно. Но подробно об этом надо бы узнать на другом этаже, у тов. Остапчука. Он начальник отдела общего машиностроения, ему и карты в руки.

Однако тов. Остапчук категорически возражал против подобной постановки вопроса.

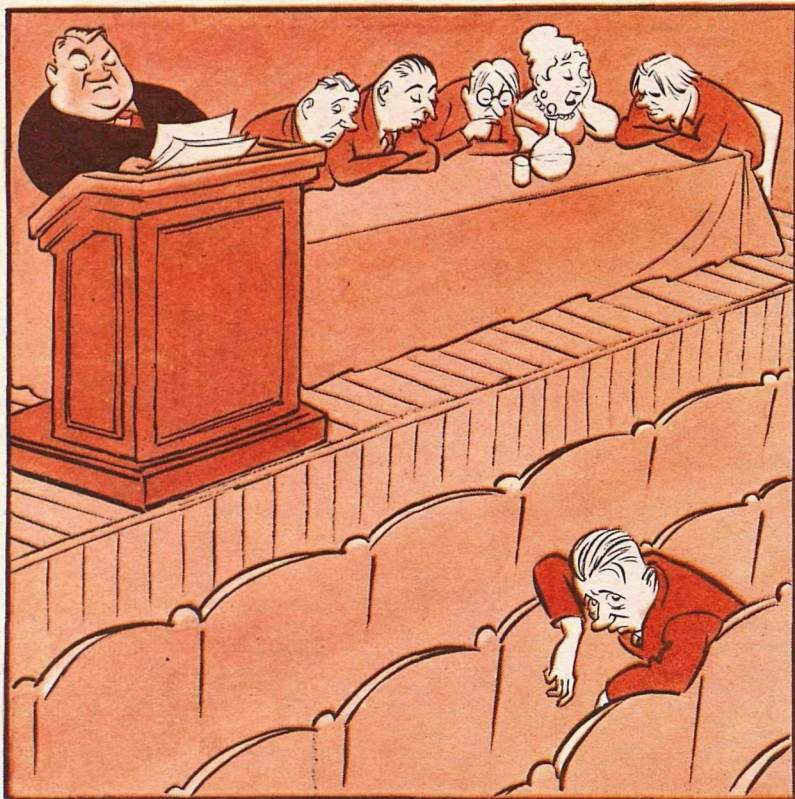
— Наше дело, — долго внушал он тов. Самарскому, — запланировать выпуск оборудования. А куда оно направляется и как выполняются поставки, — это уж ваше дело...

К выходу Петр Петрович шел мимо того же усатого вахтера. Остановился, рассказал все по порядку и спрашивает:

— Как же все-таки быть? Как толку добиться?

— А этого, — отвечает вахтер своим любимым присловьем, — вам никто на всех пяти этажах не скажет...

Е. КРЕЙН, С. ШЕВЕЛЕВ

...а слушал один за всех.

Л. ГАЛКИН

«Победы» левым поворотом
Автоинспектор восхищен.
— Вот это чистая работа! —
Машине вслед промолвил он.

— Эх, только сливки бы
не скисли! —
Водитель шепчет, мчась вперед,
В прямом и переносном
смысле
Свершая «левый» поворот.

Давно известен он на рынке,
Его товары — высший сорт.
Сметану, яйца он везет
В своей «Победе» из
«глубинки».

И по причине этой вот
Так плавлен левый поворот...

Он возит с юга апельсины,
Из Риги — кофты и трико.
Владелец легковой машины
Живет безбедно и легко.

Платочки возит и сорочки.
— Вам телевизор? Есть
«Рубин»!

Грибочки! Привезет
грибочки:
Бензин дешевле, чем грибы...

Ловчила, спекулянт с мотором,
Чего он только не возил!
Но мал ему мотор, в котором
Полсотни лошадиных сил.

Иметь свою автоколонну!
Нет, нет! Он скромным быть
привык,
Ему бы свой сорокаторный
Сверхмощный минский
грузовик!

Он за него втрое заплатит:
Чего-чего, а денег хватит!

С такой машиной он персона:
Все поставляет он один!
Все рынки под его короной!
Он царь нейлона, шах перлона
И мандаринов мандарин!

Мечтает, развалюсь удобно...
Пора ему держать ответ!
Для автожуликов подобных
Зажечься должен красный
свет.

Пора бы брать их в оборот
За каждый «левый» поворот!

— Как пульс?
— Слабый, сэр.
— Немедленно позвоните адмиралу Бэрку! Необходимо атомное вливание.

У постели холодной войны собрались ее ближайшие родственники и друзья — американские политики и генералы. Они сокрушенно покачивают головами. Протянет ли больная до Женевского совещания? Или для нее станет роковым воздух наступающей весны?

В ход пущены все средства — от водородных припарок до патентованных пилюль типа «найк» и «геркулес». Несмотря на кризисное состояние, холодная война прожорлива: вместе с ракетами и управляемыми снарядами она заглатывает государственные бюджеты стран НАТО. До окружающих то и дело доносятся ее хриплые вопли:

— Никаких уступок русским! Никакого соглашения по Германии! Пошлите еще несколько самолетов в воздушный коридор над Берлином! Периодически у постели больной появляются министр обороны США Макэлрой, генералы Норстэд и Тейлор или адмирал Бэрк. Они ласково гладят свою любимую бабушку по костлявым плечам и льют бальзам на ее разбитое словами «мир» и «переговоры» сердце:

— Не волнуйтесь, мэм. Мы можем за несколько минут уничтожить Советский Союз. В том, разумеется, случае, если не ошибемся в секундах... О, вы поправитесь, мэм! Ведь мы без вас, как без рук...

Чем ближе Женевское совещание министров иностранных дел, тем отчаяннее становятся судороги старухи — холодной войны.

Перенесемся на мгновение от постели холодной войны в военный госпиталь Уолтер Рид, где находится сейчас человек, чье имя на протяжении последних шести лет неизменно отождествлялось с понятием «холодной войны», — Джон Фостер Даллес.

После отставки Даллеса, пишет английская газета «Санди пикториэл», «правительство США выглядит, как хромотой человек, потерявший костыль, на который он опирался».

Возможно, именно поэтому от преемника Даллеса Кристиана Гертера, прежде чем назначить его на пост государственного секретаря, потребовали справку о состоянии здоровья. Правда, похоже, что американских миллионеров интересовало не столько физическое, сколько моральное состояние Гертера. Сможет ли он служить тем костылем, с помощью которого американская внешняя политика балансирует «на грани войны»? Будет ли он «твердо» стоять в Берлине?

На всякий случай, пока в Вашингтоне шли споры о назначении нового государственного секретаря, в Западный Берлин срочно направили сестрицу Джона Фостера Даллеса — Элеонору Даллес. Эта почтенная дама, занимающаяся на досуге политикой, заявила на аэродроме представителям печати:

— Мой брат попросил меня поехать в Берлин. По его мнению, германская проблема в настоящее время так важна, что мне необходимо быть в Германии и в Берлине.

Сестра своего брата, кажется, считает, что холодная война — это семейный, родовой бизнес семейства Даллесов.

В итальянском местечке Каденаббия укрылся на отдых престарелый западногерманский канцлер Аденауэр. Только что скрепя сердце он согласился выдвинуть свою кандидатуру на пост президента ФРГ, который даст ему много чести, но мало власти. Это тоже зримый признак агонии холодной войны, символ приближающейся Женевы.

Из маленького итальянского местечка уходящий с политической авансцены «железный канцлер» диктует своим наследникам:

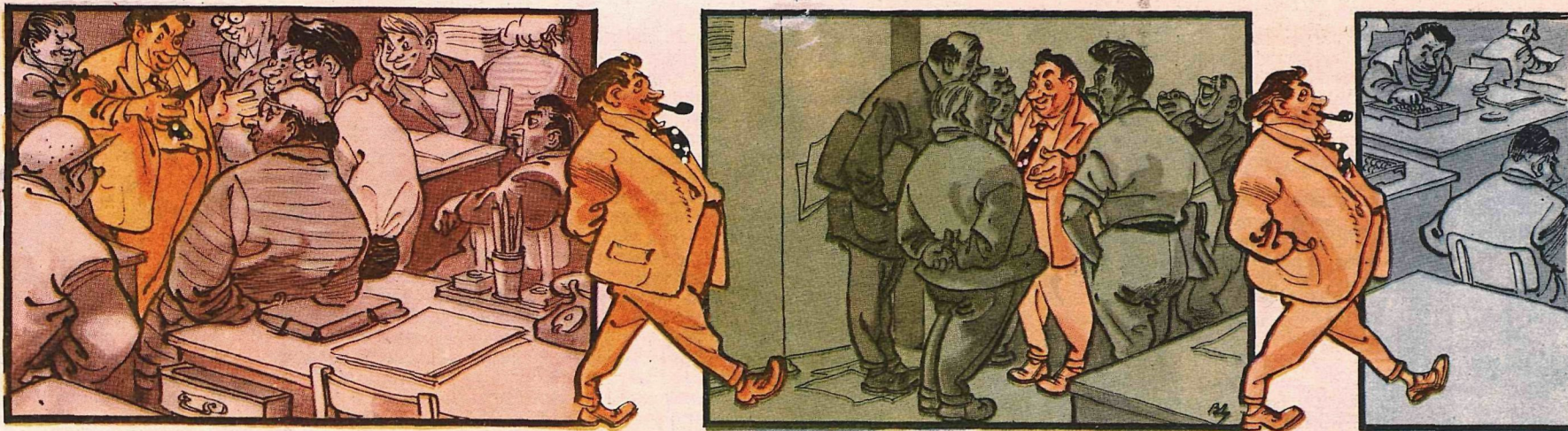
— Никаких уступок русским! Ни на шаг из Берлина! Лучше мировая война, чем мирный договор с Германией!

Беснуется на больничной койке злобная старуха — холодная война. Ее агония может продлиться долго. Но рано или поздно наступит день, когда по коридорам Белого дома и Пентагона разнесется сдавленный шепот:

— Как пульс?
— Пульса нет, сэр...

И опубликованное на следующее утро официальное коммюнике с прискорбием известит мир, что любимая бабушка американских политиков и генералов скончалась от весеннего удушья.

Г. ДАДЬЯНЦ

Не сотрудник, а ходячий анекдот.

Как хороши, как свежи были розы...

...В МОЕМ САДУ. КАК ВЗОР ЛАСКАЛИ МОЙ!.. Чего нельзя сказать про розы в магазине с вывеской «Цветы». Они не ласкали взора. Это были даже не розы. Это были произведения из раскрашенной бумаги. Свежестью они не отличались. Красотой — тоже.

Горестно глядел на эти произведения прикладного искусства Саша Лобанов, герой нашего повествования. Саше очень нужен был букет. Зачем, пусть вообразит сам читатель. Поздравить старшую сестру с годовщиной свадьбы. Или подарить цветы маме. Или... Но это не существенно. Важно одно: Саше нужны были цветы. И он пошел в цветочный магазин.

Тут читатель недоверчиво усмехнется. В самом деле, куда человек отправился за цветами?! В магазин с вывеской «Цветы». Бред! Но чтобы придать нашему повествованию правдоподобие, добавим, что Саша отличался изумительной, почти невероятной доверчивостью. Он верил вывескам.

И вот Саша в магазине. Полутьма. Пахнет сырой землей. Качаются в кадках какие-то чахоточные растения. И очень много одинаковых корзин на помостах. Все корзины обязаны одинаковыми бантами из стружки. И цены такие: 109 р., 114 р., 126 р., 154 р., и т. д.

Под потолком висели венки. На одном была надпись: «Продано». И белая лента с золотыми буквами: «Спи спокойно, дорогая тетя!».

За большой кадкой с декоративным растением кто-то чихнул. От сырости. Это был продавец. Ему нечего было сказать покупателям. И он отсиживался за кадкой...

Выйдя на улицу, Саша спросил прохожего, где можно найти еще цветочный магазин.

— Из родственников кто-нибудь скончался? — посочувствовал прохожий. — Нет? Чудак, зачем же вам магазин? Езжайте к станции метро «Площадь революции».

У станции метро было шумно, многолюдно, пестро. Платки, надвинутые на брови. Всклокоченные бороды. Сизые носы. Вопли: «А вот сирень, а вот сирени!», «Тюльпанчики, тюльпанчики!», «Двадцать рублей? С ума сошла!», «А ты даром хотела?».

Цветов Саша здесь не купил. Он подозревал, что среди частников есть спекулянты, а поощрять их было явно не в его характере.

Читатель опять недоверчиво усмехнется. Но ведь Саша — положительный герой! Он не может подавать дурного примера читателю, хотя бы для этого и пришлось по-

жертвовать убедительностью повествования. Вот почему он ушел без букета...

Саша не хотел, чтобы ему давали сдачу, развязав зубами край грязного платка. Саша не хотел совать пятерки в чью-то жадную руку. И он снова пошел искать магазин.

Не будем описывать его мытарств. В этот день Саша повидал много магазинов, напоминающих тихие кладбища, но цветов он так и не нашел.

...То, что произошло с нашим героем, могло случиться с вами, со мной, с каждым рядовым гражданином. С одной только разницей. Мы бы не донкихотствовали. Мы бы давно уже купили втридорога две слегка увядшие от лежания в мешке розы у тетки, торгующей около станции метро. У тетки, убегающей при первом появлении милиционера...

Как поступают нерядовые граждане? Вообразите себе заместителя председателя Моссовета по торговле тов. Дерибина, украдкой покупающего тюльпаны у метро и вздрагивающего при виде милиционера... Или представьте в том же положении председателя городской плановой комиссии тов. Селиванова. Или начальника Управления благоустройства тов. Панова. Или начальника Главного управления торговли тов. Гуляева. Или начальника Управления Мосгорплодоовоща тов. Селезнева. Вообразите себе их... Не можете? Мы тоже не можем.

В Моссовете нас пытались утешить. Сказали, что частникам в городе будет отведено двадцать площадок. Стихийная торговля введется в законные рамки.

Мы не аплодировали. Мы молчали. — И магазинов станет больше, — заявили в Моссовете. — Их, конечно, очень мало, всего тридцать четыре, но будет еще пять новых. И еще откроется два комиссионных вдобавок к одному, уже имеющемуся. Для приема цветов у населения. И этого, конечно, недостаточно, но не все же сразу. Радуйтесь!

Но мы все еще не радовались. Мы представили себе унылые корзины с одинаковыми гортензиями и одинаковыми бантами из стружек... Тряпичные розочки и восковые тюльпанчики, которые стояли на комодах у наших бабушек...

Магазины будут. А цветы-то будут? На это нам холодно ответили, что состоялось несколько совещаний и принят ряд решений.

...Мосцветторг ютится в сиротском флигеле в лабиринтах дворов М. Кисельного переулка. У Мосцветторга нет постоянных поставщиков. Там нас не просили аплодировать и радоваться. Нас просили поплакать вместе с сотрудниками, посочувствовать их трудной жизни.

Кто поможет Мосцветторгу? Кто согреет сироту?

Может быть, Мосгорплодоовощ — учреждение, которое по странной прихоти чьей-то чиновничьей фантазии поставлено над Мосцветторгом? Но Мосгорплодоовощ может лишь абстрактно руководить. Он бессилен. Гладиолусы — не огурцы. Поставщики цветов не в ведении Мосгорплодоовоща...

Хорошо бы изъять Мосцветторг из ведения Мосгорплодоовоща и прикрепить его к одному из отделов Главного управления торговли, в чьем ведении находятся цветочные хозяйства. Тогда Мосцветторг не был бы сиротой, не страдал бы в одиночку. Ему бы начальство помогало.

И хорошо бы увеличить число цветочных хозяйств и в Москве и под Москвой. В Риге сорок пять цветочных хозяйств, а в Москве с ее многомиллионным населением всего пять или шесть!

Дорогие товарищи из Моссовета! Двадцать площадок частникам — это выход, не спорим. Но не капитулянтский ли? Мосцветторгу, как вы догадываетесь, это не поможет. А надо бы ему помочь.

Цветы нужны не только по случаю свадеб, похорон и защиты диссертаций. Цветы нужны каждый день. Цветы нужны всем.

Десятки совещаний и решений по вопросу, как наладить торговлю цветами, плохо помогают. Ходит даже слух, будто из этих решений, отпечатанных на хорошей бумаге, какой-то «Бумцветсбыт», не теряя времени, делает недурные цветы, которые после раскраски вполне сходят за настоящие тюльпаны, ирисы и розы.

Те розы, которые не хороши и не свежи.

Наталья ИЛЬИНА

СИСТЕМА ИВАНА ИВАНОВИЧА

ИВАН Иванович Спирин — человек, в сущности, самый обыкновенный.

Тем не менее сам он твердо убежден в том, что природа изготовила его не в порядке массового стандарта, а по особому заказу.

Именно поэтому, став во главе районного союза потребительских обществ, И. И. Спирин окружил собственную персону ореолом исключительности.

Не со всеми Иван Иванович разговаривает, далеко не с каждым здоровается, не всякому отвечает на приветствие. Говорят, завел он себе даже особую записную книжечку, где точно указано, с кем уместны теплые рукопожатия, для кого достаточно легкого прикосновения к головному убору, а кому за глаза хватит и небрежного кивка головой. Работники вверенного ему учреждения в этот список, понятно, не вошли.

И вот в «Крокодиле» — нет, не в журнале, а в сатирической стенной газете райпотребсоюза — появилась карикатура, посвященная Ивану Ивановичу. В подписи говорилось: «Председатель РПС т. Спирин И. И. при встрече с сотрудниками не находит нужным отвечать на их приветствия... А ведь это некультурно».

Произошло все это не где-нибудь, а в учреждении, которое Иван Иванович называет не иначе, как «моя система». Узнав о неслыханной дерзости стенной газеты, Иван Иванович принял срочные меры.

— На Кубани крокодилы никогда не водились; — изрек он и при-

хлопнул беспокойный сатирический листок.

И не случайно прихлопнул. Начала стенгазета с обличения мелких грехов Ивана Ивановича, а дойдет, чего доброго, и до крупных! Копнет, упаси бог, некоторые неблагоприятные... Впрочем, можно и подробнее.

В магазинах Крымского района шестирублевые тарелки вдруг стали продаваться по 11 рублей 10 копеек, мужские плащи стоимостью 190 рублей — по 290 рублей. Жуликов Гатько и Буцкиевскую поймали с поличным и привели к Ивану Ивановичу. Он погрозил им пальцем и с отеческой строгостью сказал: «Попадете еще раз — под суд укуку, а пока милую вас». И отправил их опять в магазин.

Только за один год в системе Ивана Ивановича разворовано 208 тысяч рублей, а по балансовым данным растрат и хищений значится всего лишь 37 тысяч рублей.

На базе райпотребсоюза сгноили на 44 тысячи рублей плавленого сыра. И что же?

Деньги списали в убыток, а сыр скормили свиньям. Кроме плавленого сыра, свиньи слопали на 21 тысячу рублей разной рыбы,

на 36 тысяч рублей повидла и джема. Аппетит приходит во время еды. Свиньи вылакали на 12 тысяч рублей шампанского и даже... выкурили на 3 800 рублей папирос «Казбек» и трубочного табака «Золотое руно».

— Нет, — благодарно хрюкают свиньи, — мы не можем жаловаться на свинское к нам отношение.

Иван Иванович тоже не жалуется на плохое отношение к себе районных организаций, в частности прокуратуры и милиции: они его не беспокоят.

Да, что ни говорите, а система Ивана Ивановича очень устойчи-

Рисунок Г. ВАЛЬКА.

ИГРА НЕ ПО ПРАВИЛАМ

Изобретатель...

рия Захаровича — серая, у Ивана Ивановича — зеленая.

Оно бы и ничего... А со стороны может показаться намеком на какие-то разногласия. И Иван Иванович командировал грузовую машину в Краснодар: «Срочно доставить две синие велюровые шляпы».

В Краснодаре синих шляп не оказалось: отправили все в Новороссийск. За пять минут до прибытия машины в Новороссийск в универсаме продали две последние (как раз синие и именно велюровые!) шляпы, и грузовик помчался опять в Краснодар...

Свыше тысячи километров прошла машина в погоне за велюровыми шляпами. Зато теперь председателя райпотребсоюза ни за что не отличишь от секретаря райкома, а секретаря — от председателя. Дело в шляпе!

Секретарю райкома отнюдь не возбраняется иметь друзей. Однако когда кто-то пытается авторитетом первого секретаря райкома партии прикрыть неблагоприятные дела, здесь стоит задуматься.

Задуматься над тем, действительно ли система Ивана Ивановича так устойчива, как может показаться с первого взгляда.

Б. ДАНЕЛИЯ

... и его соавторы.

вая. И секрет этой устойчивости, оказывается, удивительно прост.

Дело в том, что Иван Иванович Спирин, председатель райпотребсоюза, и Дмитрий Захарович Скороходов, секретарь Крымского райкома партии, — большие друзья. Так, во всяком случае, утверждает Иван Иванович. И ссылается на то, что по городу они с Дмитрием Захаровичем гуляют только под ручку, в кино сидят обязательно вместе и одеваются на манер задушевных школьных подруг совершенно одинаково: костюмы носят синие, в полоску, пальто — коричневые. А вот шляпы у них оказались разными: у Дмит-

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

О СОВМЕСТНОМ ОТКОРМЕ

Заместитель председателя правления Ярославского облпотребсоюза тов. Гудин осчастливил редакцию областной газеты «Северный рабочий» следующим сообщением о мерах, принятых по читательскому письму:

«Анонимное заявление о беспорядках и нарушениях правил советской торговли зав. магазином тов. Голубевой дер. Рослово Акуловского сельпо Любимского района проверено на месте... За допущенное нарушение правил советской торговли зав. магазином т. Голубева, правлением сельпо серьезно предупреждена. Секретарь РК КПСС тов. Бритвин лично предупредил председателя райпотребсоюза тов. Андреева прекратить и не допускать совместный откорм скота с подчиненными ему работниками».

Зам. председателя правления Ярославского облпотребсоюза
В. ГУДИН»

«СЭР, УСТУПИТЕ ШТАНЫ!»

ДЛЯ полного счастья всегда чего-нибудь не хватает. Или того, или другого. Иной раз сущего пустяка.

Так рассуждал Валерий Калюжный, входя в вестибюль гостиницы «Метрополь». Будем справедливы к этому юноше: у него были все основания рассуждать подобным образом.

Дело в том, что для полноты счастья Валерию Калюжному не хватало штанов. Нет, он не оскорблял нравственные чувства прохожих: штаны у него, вообще говоря, были. И даже не одни. Но свои, отечественные. А ему хотелось зарубежных. Чтобы гармонировали со всем остальным. С раскосыми светофильтрами в оправе из благородной бизоньей кости. С замшевыми туфлями «остренький носик». Правда, туфли отчаянно жали, но это была уже несущественная деталь. У приятеля Валерия дергалось правое веко, когда он смотрел на эти туфли. Приятель готов был дать за этот замшевый шедевр рубаху-расписуху, галстук с изображением голливудской актрисы в пеньюаре и окурок настоящей гаванской сигары. Но товарообмен не состоялся. Ибо для полного морального удовлетворения, как было сказано выше, Валерию не хватало именно техасских штанов.

Разрешите пояснить, что такое техасские штаны. Это узкие с широкими обшлагами брючки, в которые влезают ковбои за пять минут до начала киносема. Одним словом, вещь экзотическая.

Итак, перед нашим героем стояла трудная задача—усыпить бдительность швейцаров и обмануть недреманное око дежурных.

— Вам кого, гражданин?— вежливо спросил швейцар.

— Силь в пле, сэр, санта лючия, хальт!— выпалил Валерий единым духом, произведя тем самым страшные опустошения в своем словарном багаже. И, не глядя на ошеломленного старика, «полиглот» важно зашагал вверх по мягкому ковру. На третьем этаже он шмыгнул в длинный, слабо освещенный коридор и замер: счастье двигалось ему навстречу, облекая длинные ноги сухопарого джентльмена с сигарой в зубах.

— Сэр,— залепетал Калюжный, галантно прикладывая руку к сердцу,— продайте штаны...

Иностранец осклабился:

— Уот ду ю уонт?

Калюжный заметался в поисках слов:

— Ай шуд лайк... купить штаны, понимаешь?

Брюки то есть...

Джентльмен оживился. И через десять минут Валерий Калюжный вышел из номера, где проживал его новый знакомый. Удача была неслыханной. За каких-то три сотни интурист охотно расстался со штанами и даже от щедрот своих подбросил ошалевшему от счастья молодому негодянту лазоревые носочки (правда, с пустяковой дыркой). Вот что значит истинный джентльмен!

Пока Валерий Калюжный, зажав под мышкой драгоценный сверток, бежит домой, а сухопарый иностранец, слюнявя пальцы, пересчитывает наличные, позволяете поделить некоторые на блудениями.

Вечерами у столичных гостиниц «Метрополь», «Националь», «Ленинградская» маячат тоскливые фигуры пажонов. Их можно узнать по беспокойно бегающим глазкам и суетливым манерам игроков на тотализаторе. Они пленники мечты. Они жаждут стать красивыми. Но прекрасное для них воплощено в пестренках нейлоновых носочках, штанах цвета незрелой дыни и в рубахах, на которых напечатаны тропические пальмы и рекламы модных клистиров.

Любой проходящий мимо иностранец производит на пажона-негодянта такое же впечатление, как кусок говяжьей печени на голодного фокстерьера. Пажон облизывается, поджимает хвост и подобоострастно скулит:

— Ай уонт купить подтяжки, носки энд все, что ю хэв!

Эту изящную фразу не раз произносил Валерий Калюжный. Описание достоинств сего колоритного субъекта не заняло бы и одной строчки. Зато на акты и протоколы, освещающие его деловую деятельность, у работников милиции ушел добрый килограмм бумаги.

По вечерам из квартиры 134 дома номер 62 по Ленинградскому проспекту доносятся звуки, которые напоминают вопли расшалившихся котиков в лунную мартовскую ночь. Это Валерий Калюжный вместе со светскими львами и львицами залихватски отплясывает рок-н-ролл. А затем их случайные подруги в неглиже извиваются змеями, демонстрируя высшее достижение западной цивилизации— хула-хуп.

В промежутках между веселыми оргиями друзья, облачившись

в иностранное барахло, бродят по столице, твердо уверенные, что они дьявольски похожи на франтов с вечернего Пикадилли. Вот и к нам, в редакцию, Калюжный пришел таким молодым лордом, изгнанным из Кэмбриджа за неуспеваемость.

— Зачем вы продавали иностранцам иконы?— спросили мы.

Лорд взглянул на нас холодно и высокомерно.

— Я боролся с религиозными предрассудками своей мамы.

Юный атеист скромно умолчал о том, что изображение богородицы он выменял на стоптанные шлепанцы парижского производства. Ни словом не обмолвился он и о неприятных инцидентах в ресторане «Метрополь», где светский лев, не имея трудовых доходов, заказывает сторублевые обеды, которые нередко кончаются приводом в милицию. И вообще в биографии Калюжного есть немало деталей, о которых молодой «аристократ» не любит вспоминать. Так, например, программа восьми классов средней школы столь изнурила его тощий интеллект, что почти все последующие три года Валерий предавался отдохновению. А чтобы широко и «нормально» отдыхать, нужны деньги. Пришлось прибегнуть к невинной шалости— подделке кассовых чеков. Шалость оказалась наказуемой, и светский лев принужден был полгода поработать на строительной площадке и примириться с вычетом четверти зарплаты.

Ближайший наперсник Калюжного Константин Захаров— тоже тонкий ценитель жевательной резинки и заокеанских штиблет. Самое значительное, что ему удалось свершить после окончания десятилетки,— это реализовать полсотни пар нейлоновых чулок и несколько затасканных костюмов. Личность Захарова-коммерсанта пользуется широкой популярностью среди интуристов-барахольщиков. Нередко в его квартиру заявляются иностранные гости с обычным вопросом: «Господин Коста дома?» Однажды в гостинице «Ленинградская» у юного коммерсанта при попытке проникнуть в один из номеров, который занимали американские туристы, потребовали удостоверение личности. Захаров высокомерно погладил подбородок и сказал с заметным заграничным акцентом:

— Я есть Гондурас, Коста-Рика, понимай? Банан энд кофе, ферштейн?

— Не Гондурас ты, а шалопаи,— заметил швейцар, выпроваживая элегантного проходимца.

Значительно успешнее протекает торговая деятельность слесаря одного из московских научно-исследовательских институтов Александра Г. С. В этом ему помогает его соратник Ключенко. Вот и в последний раз добыча была обильная: шесть пар нейлоновых чулок, четыре пачки сигарет, две грязные поплиновые рубахи и даже пластмассовые плечики, полученные бесплатно. И Александр взял. Не обиделся. Не возгордился. Авось, пригодятся и плечики. Ради заграничного ширпотреба стоит пожертвовать даже чувством собственного достоинства.

Молодых шалопаев породила праздность. Никто из них не знает, что такое труд. И если Калюжному пришлось однажды поработать на строительстве, то лишь по решению народного суда.

Может показаться странным, что у Калюжного, Захарова и компании замашки парижских рантье. Ведь их отцы и матери не валяются на пляжах Флориды и не фланируют по Монмартру. Но у этих положительных родителей есть одна слабость: они почему-то решили, что их возлюбленные чада должны вести жизнь наследных принцев.

— А что вы хотите от моего ребенка?— возмущается Варвара Маркеловна Калюжная.— Он молодой, пусть переберется. И вообще, какое вам до него дело?!

Есть дело, Варвара Маркеловна!

Великовозрастные барахольщики своим жалким пресмыкательством перед заграничным тряпьем бросают тень на нашу молодежь. А это уже касается нас всех.

До сих пор действенная борьба с тряпичниками ведется разве лишь гостиничными швейцарами. Прокуроры и судьи разводят руками: «Что поделаешь с барахольщиками? Ведь в их деяниях нет состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом».

Но если к ним неприменима ни одна из статей Уголовного кодекса, то основной принцип социалистической морали— кто не работает, тот не ест— подойдет наверняка.

В. ТИТОВ

Ну, чем, скажите, не элегантный мужчина! Шапка, плащ, ботинки-мокасины— все с плеча интуристов. Валерий Калюжный иначе не может. Тонкая душа эстета не выносит ничего отечественного.

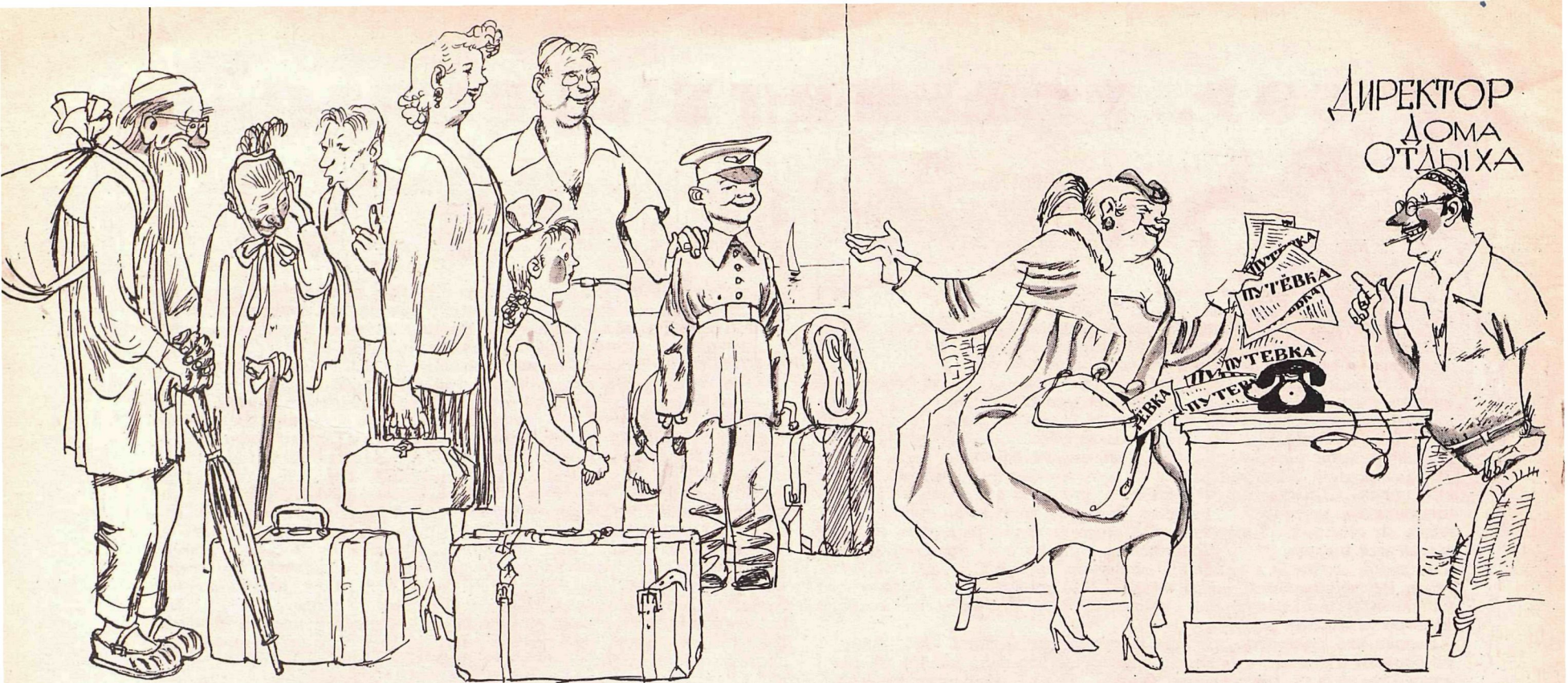

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

— А ваш муж все еще управляющий трестом?
— Как видите!..

М. ЛАНСКОЙ

Симпозиум *Вокруг* банной шайки

С НАЧАЛА от Длинного пришла телеграмма: «Намыливай мочалку подробности письмом».

Потом действительно пришло письмо. Было оно пространное и хвастливым, поэтому мы приведем из него лишь выдержки, имеющие прямое отношение к теме:

«Ну, брат, и натерпелись мы с Косачевской страху! Представляешь себе ситуацию: завтра защита, а сегодня местная «вечерка» вдруг бухает по голове фельетончиком о нашей диссертации. Приводятся пикантные цитатки, обыгрываются шайки и венники, короче говоря, используются все журналистские штучки. Все, думаю, провал! Побоится ученый совет на глазах всего города благословить тему Данилыча. Звоню в институт, интересуюсь: как, мол, дела, не отменили, часом, диссертацию? Нет, отвечают, все в ажуре. Воспрял я духом, но не очень; в душе опасаясь, не подвох ли: а вдруг на защите припарки поставят?»

На другой день приехал я в институт пораньше и в порядке повышения личного уровня заглянул в фундаментальную библиотеку. Прошу показать мне список кандидатских диссертаций. Люди в библиотеке милейшие, — без всякой волокиты выставили передо мной два ящика с карточкой. Начал я перебирать карточки, в заглавия вчитываясь и совсем взбодрился. Большинство, конечно, на разные серьезные темы, их я не касаюсь, но зато тут же рядышком такие жемчужины попадаются, что по сравнению с ними наш банно-прачечный трактат выглядит, как «Начала» Ньютона.

Попросил я первую приглянувшуюся диссертацию с многообещающим названием: «Опыт гигиенической характеристики условий пользования ленинградскими пляжами». Автор — Орешина А. Ф.

Секреты производства такого околонучного ширпотреба тебе уже известны. Вначале подается фирменный салат из цитат. Тут же высказываются глубокомысленные суждения на разные темы, не выходящие за пределы программ начальной школы.

Ну, к примеру:

«Периодические изменения погоды совершаются в течение суток и в течение года и являются следствием вращения Земли».

Затем следует обзор с птичьего полета всех пляжей — от тихоокеанского побережья США до советского Черноморья. Пробежав страниц шестьдесят, я набрел наконец на капитальное определение предмета исследования:

«Пляж — наилучшее место для осуществления тренировки и закалывания организма с целью использования местных природных факторов».

Отсюда уже было недалеко до главы третьей — станového хребта всякой диссертации — «Собственные исследования». В ней автор прежде всего окончательно разрешает спор географов о местонахождении Ленинграда. Диссертант категорически утверждает:

«Ленинград расположен на реке Неве, при ее впадении в Финский залив» (о том, что лошади кушают овес, почему-то пропущено).

Уточнив этот важнейший факт, автор ринулся на пляжи, раскинувшиеся у Петропавловской крепости и на Карельском перешейке.

Надо сказать, в практике обследования живого материала Косачевская оказалась на две головы выше Орешинной. Как ты помнишь, в банях температура кожи измерялась в восьми точках, а Орешина додумалась только до трех. Ее термомушпы нацеливались лишь в лоб, грудь и спину.

Ленинградцы, не подозревавшие, что они находятся на пляже «с целью использования местных природных факторов», довольно хмуро встречали скучную женщину, увешанную приборами. Этот факт с прискорбием отмечен в диссертации:

«Меньшее количество испытуемых объясняется нежеланием людей, приехавших на отдых, принимать участие в процедурах даже в виде измерений, отвлекающих от отдыха».

Но глубокое невежество испытуемых не помешало диссертантке составить увлекательные таблицы, графики и диаграммы, наглядно отображающие страстное желание Орешинной стать кандидатом наук.

В результате долгих исследований она пришла к твердым, незыблемым выводам:

«Чем выше температура, тем горячее песок!», «В солнечную погоду вследствие продолжительного пребывания людей на пляже возможно получение солнечного ожога...»

Здесь мы опускаем беспредметное лирическое отступление Длинного и переходим к следующему эпизоду.

«Знаешь ли ты, что такое защита диссертации?! Нет, ты не знаешь, что такое защита диссертации. Это величественно! Строгие лики ученых мужей за безбрежным столом. Сосредоточенность официальных оппонентов. Трепет диссертанта. Почтительный шепот гостей. Благолепная атмосфера торжественного обряда: наука приемлет в свое лоно еще одну дочь...»

А какое обращение! Обязательный тройной реверанс: уважаемый товарищ председатель, уважаемые члены ученого совета, уважаемый имярек (то бишь диссертант).

И перед таким симпозиумом Косачевская не оробела. Она лихо доложила о разнице между раздевалкой, мыльной и парильней, козырнула «суммацией» и замолкла в ожидании вопросов.

— А знает ли диссертант о фельетоне «Вечернего Ленинграда» и как к нему относится? Я вздрогнул и спросил сидевшего рядом со мной ехидного старичка:

— Это кто заинтересовался?

— Морозов, секретарь парткома, — ответил старичок и почему-то подмигнул.

— Чего вы мигаете?

— А ничего у Морозова не выйдет, — быстрым шепотком объяснил мой сосед. — Газета их только обозлила. Теперь уж вопрос престижа, так сказать, гигиена мундира. Если пойти на поводу у газетчиков, то и докторам иным неуютно станет.

В это время Косачевская с достоинством отбила первую атаку:

— Фельетон не произвел на меня впечатления критики ученого. Поэтому я не придаю ему серьезного значения.

На помощь к ней подоспели и официаль-

Окончание. Начало см. в № 12.

ные оппоненты. Чтобы подрубить всякие сомнения в самом корне, профессор Уфлянд так и заявил:

— Многим кажется, что в бане, само собою разумеется, должно быть тепло... Но с точки зрения научной, нужно любые положения, которые нам кажутся ясными, достаточно строго обосновать.

Пожурили слегка наши оппоненты Косачевскую за явные глупости, а в конце твердыми голосами признали ее достойной ученой степени кандидата медицинских наук.

Потом опять поднялся Морозов. Он напрямик сказал, что партийный комитет института в свое время обсуждал эту диссертацию и пришел к единодушному выводу, что автор ее никак не может претендовать на ученую степень. И еще Морозов добавил, что соображения о банях, если они дельные, можно излагать в обычных статьях.

Эта идея мне понравилась. Повяло здравым смыслом. Ведь иная газетная или журнальная статья скромного педагога, врача, инженера содержит в сто раз больше интересных мыслей, важных фактов, ценных предложений, но автору ее и в голову не приходит требовать пожизненной надбавки к зарплате.

Пока я думал, подошло время голосования. Избрали счетную комиссию, раздали бюллетени. Подсчитали и огласили результаты. Девять ученых мужей, отмолчавшись во время дискуссии, отвели душу наедине с бюллетенями и проголосовали против. Остальные (а их оказалось больше) — за. Вспыхнул аплодисмент. Это ехидный старичок бил в ладоши. Косачевская прижимала руки к сердцу.

Следующей защищалась диссертация Н. Б. Бушанской: «Показатели эффективности летних оздоровительных мероприятий среди дошкольников и их оценка».

Автор решает трудную задачу: «Стоит ли вывозить летом ребят за город, а если да, то

почему?» Бушанская предлагает не ограничиваться старыми критериями — взвешиванием и простым измерением детишек после окончания оздоровительной кампании. Она настаивает, чтобы у ребят дошкольного возраста брали для исследования кровь и заставляли их делать «40 подскоков за 20 секунд на высоту 3—4 сантиметра». На эти подскоки автор напирал с особым усердием. Кропотливые исследования привели к выводам Данилыча: вывозить нужно, кормить нужно, открывать форточки в спальнях тоже нужно.

Выступивший первым профессор Макаров откровенно признался:

— Мне не ясно, для чего вводить дополнительные критерии пользы летних лагерей? Для чего это все?

С аргументами наперевес поспешили оппоненты. Завертелась машина. Голосование. Подсчет. Аплодисменты. И еще один кандидат наук сошел с конвейера.

То ли с радости, то ли с горя я побежал...» Конец письма мы за ненадобностью опускаем.

Прошло еще несколько дней, и снова состоялось свидание друзей в раздевалке Центральной киевской бани. Они не спеша готовились к омовению и, как бывает после разлуки, не сразу вошли в колею дружеской беседы.

— Ну, что ж, — шутиливо вздохнул Короткий, — твоя взяла.

Длинный, нахмурившись, разглядывал пуговицу, болтавшуюся на одной нитке, и ответил не сразу:

- Забудь.
- Что именно?
- Вот это самое. Считаю, что никакого пари не было.
- Как так не было? Раз я проиграл..
- Да не в этом дело! — Длинный со злостью оторвал пуговицу и поморщился, как будто

она была пришта к его коже. — Понимаешь, какое дело... Ехал это я обратно в поезде, всю ночь не спал, думал — и до того стыдно стало... Представил я себе нашу науку в виде океанского корабля, этакое скоростного гиганта, которому все нипочем. Идет он полным ходом к неизведанным далям, а под водой липнут к его корпусу всякие морские таракашки и тоже движутся, вроде как часть корабля, а по существу... Ты вот войди в библиотеку института — не обязательно того, гигиенического, — и во многих других то же самое: обязательно найдешь на полках такие диссертации, которые стоят недвижимо со дня защиты. Пользы от них ни на грош. И сам кандидат с тех пор ни строчки не написал, ни одной формулы не вывел, ни одного опыта не поставил. Ходит с охранной грамотой — и доволен. Тоже чувствует себя на корабле — прилип!

— Ну и черт с ним, пусть ходит! — благодушно отмахнулся Короткий, уже готовый к вступлению в мыльную.

— Что значит «пусть»? Ты погоди. Дело ведь не только в принципе. Ведь лезут таракашки не зря, не из озорства. И суть даже не в кандидатских деньгах, которые они получают всю жизнь за двадцать минут страха, испытанного на защите. Со степенью связаны привилегии, установленные выше. Со степенью ты любого талантливого работягу отпихнешь, хотя ему только скромность и совесть мешают раньше времени диссертацию защитить. Тебе со степенью и доцентура светит и продвижение по службе — карьера! Вот в чем гвоздь!

— Плохо, конечно, — согласился Короткий. — Но нам с тобой, пожалуй, это дело не решить. Давай полезем на деревянный помост для лежания, а потом уж проделаем процедуру намыливания и трения мочалкой поверхности кожи...

И они пошли.

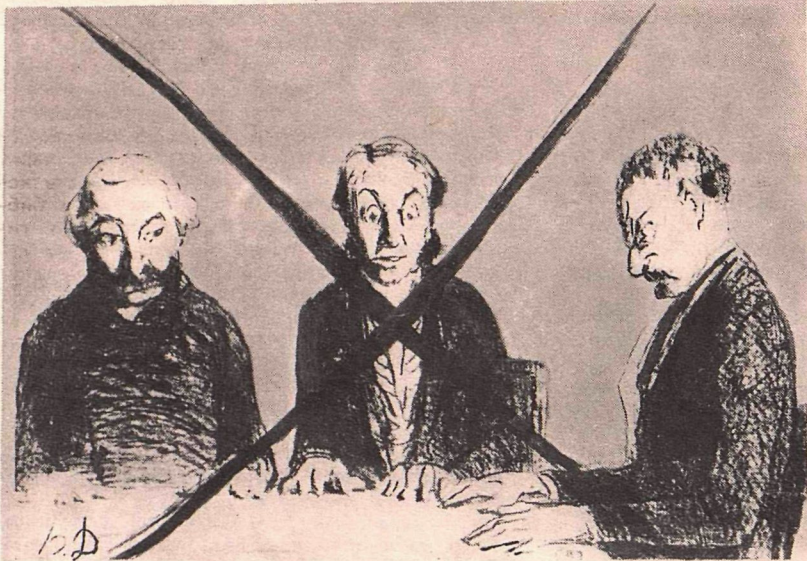
ЧТО БЫЛО БЫ, ЕСЛИ БЫ...

...работницы этой швейной фабрики стали одеваться в платья собственного производства.

Рисунок С. КУЗЬМИНА.

ЕСЛИ БЫ БАЛЬЗАК ЗАКОНЧИЛ «ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ КОМЕДИЮ»...

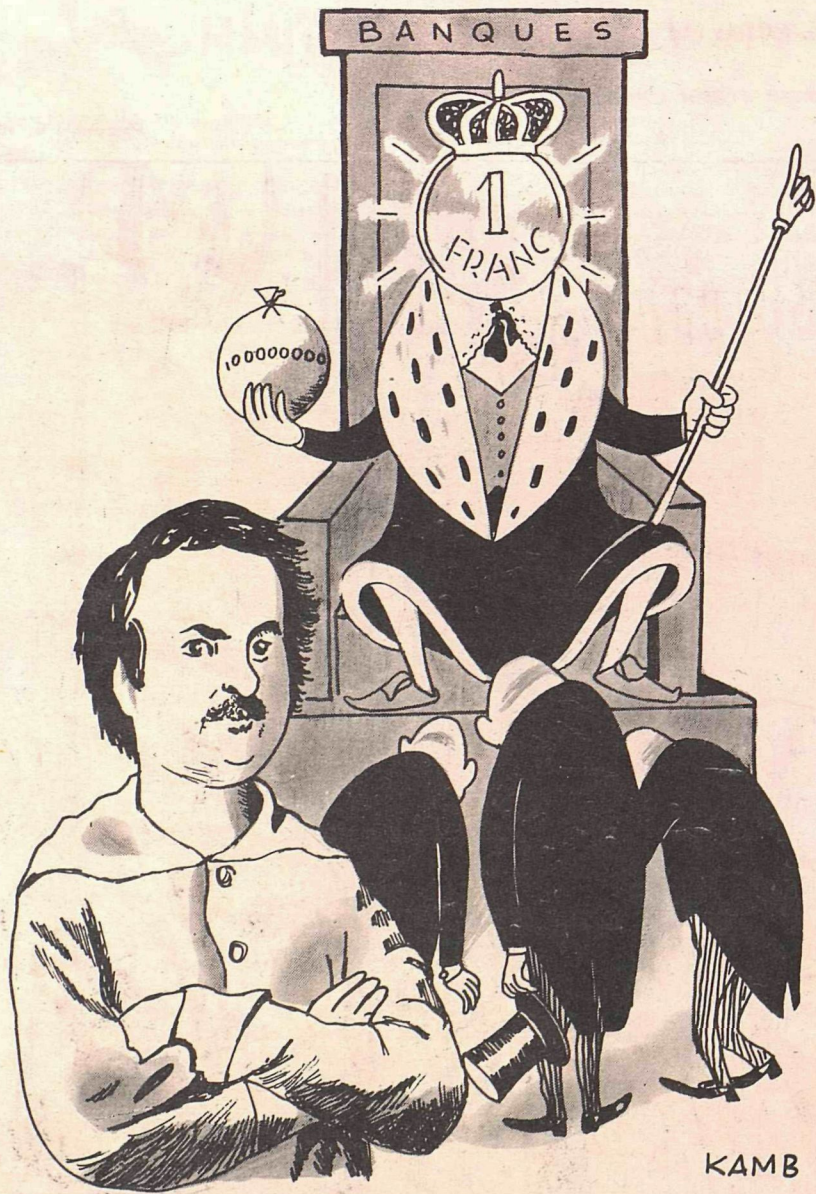

Кто и зачем размашисто перечеркнул рисунок выдающегося французского графика Домье? Это сделала на своих страницах французская реакционная газета «Фигаро». Домье изобразил современных ему заправил финансового мира. «Фигаро» считает, что рисунок безнадежно устарел. По ее утверждению, теперь уже не сыщешь таких зловещих банкиров, каких мы встречаем в романах Бальзака и в рисунках Домье. Сегодняшний финансист — это, мол, скромный, милый человек, слуга общества, который, как заверяет «Фигаро», всего лишь «точно выполняет приказы бесчисленных богатых или бедных клиентов».

Не рано ли, господа, вы перечеркиваете и сдаете в архив Бальзака и Домье?

Мы обратились к известному французскому публицисту Андре Вюрмсеру и художнику Камбу с просьбой высказать свое мнение по этому поводу. Сегодня мы публикуем их ответы.

Рисунок КАМБА (Париж).

Недавно один историк-монархист, член французской академии, напечатал статью под названием «Если бы Бальзак закончил «Человеческую комедию». Он уверяет читателей, что «сегодня Бальзак уже не считал бы, что власть денег безгранична».

А в самом деле, к какому финалу привел бы Бальзак свою «Человеческую комедию»? Предположим, что каторжный труд, к которому он был приговорен своим честолюбием буржуа, его неукротимое желание разбогатеть и жениться на польской графине не убили бы его. Тогда Бальзак написал бы еще два, десять, двадцать, сто романов и все равно не закончил бы свою эпопею. Представим себе даже, что Бальзак дожил бы до наших дней... Ему было бы 160 лет — возраст, который не часто встретишь даже в Абхазии. Ну, а «Человеческая комедия»? Бальзак и поныне все писал бы о ней, потому что и сейчас комедия продолжается: банкиры, спекулянты, аристократы, буржуа все еще на сцене, они по-прежнему играют главные роли.

Человеческая комедия, правильнее сказать, бесчеловечная комедия, все еще разыгрывается. Те, кто обладал властью при Бальзаке, и сейчас правят нами. Банки Ротшильда и Малле, вошедшие в силу во времена великого романиста, так и остаются самыми значительными банками Парижа. Все те же семьи, известные в политическом мире, потомки прежних промышленников, продолжают управлять страной от имени их общего властителя — Денег. Правда, империя этого могущественного государя, сорок лет назад убедившегося в том, что он не вечен, поразительно сократилась в размерах. Но во Франции Человеческая комедия не сошла со сцены. Человеческая комедия продолжается.

Вот почему по улицам больших городов проходят колонны людей с мозолистыми руками. Одни уже изменили мир. Другие стремятся последовать их примеру, для того чтобы бесчеловечная комедия стала наконец человеческой. Чтобы в своей могиле Бальзак мог спокойно отдыхать, зная, что слово «конец», которое он не успел написать, поставили трудящиеся!

Андре ВЮРМСЕР

Мелкой дробью

ШПИОНАЖ В ГОЛОМ ВИДЕ

Один американский дипломат в Финляндии собирал экономическую информацию... в бане, куда он хаживал вместе с группой местных банкиров и промышленников. После парильни разгоревшиеся бизнесмены и их американский спутник, все в костюме Адама, возлежали на скамьях, потягивая напитки и лениво переговариваясь. «В таких условиях им было довольно трудно не раскрыть свои карты», — рассказывал впоследствии американец.

(США. «Сатердей ивнинг пост»).

ЭНТУЗИАЗМ = 0

Власти Южного Вюртемберга (ФРГ) обратились со следующим призывом к военнообязанным:

«Господа военнообязанные 1938 года рождения, просим вас не забыть о вашей обязанности зарегистрироваться. С гуманной точки зрения понятно, что ваше стремление пойти на военную службу невелико, однако тот, кто не регистрируется, подвергается опасности быть оштрафованным в установленном порядке. Мы сожалеем. Однако не можем этого изменить».

(ФРГ. «Дер шпигель»).

НЕПРИЯТНАЯ ИСТОРИЯ

На скачках в Манчестере победил жеребец Старый Грешник, обойдя кобылу Святую на полкорпуса.

(Чехословакия. «Праце»).

ЛУЧШАЯ РЕКЛАМА

Боннская газета «Генераль-анцейгер» опубликовала следующее объявление:

«За три года пять ограблений со взломом — вот насколько популярен магазин мужского готового платья Книхель, Бонн, Брейте-штрассе, 6».

(ФРГ. «Дер шпигель»).

СОВСЕМ ДРУГАЯ МУЗЫКА

В Мельбурне (Австралия) джаз исполнял рок-н-ролл. Вдруг дирижер, игравший на электрогитаре, дико взвизгнул. В зале возмущенно зааплодировали. Оказалось, однако, что в электрогитаре произошло короткое замыкание и дирижер кричал от боли.

(США. «Нэшнл гардиан»).

ПАРАД ГЕНЕРАЛОВ

Американские военачальники вышли на парад. Бравые воители демонстрируют полную боевую готовность... сорвать совещание на высшем уровне. На высший уровень подняты бомбы. Министр обороны Макэлрой, генералы и адмиралы Норстэд, Туайнинг, Тэйлор, Уайт, Бэрк хором грозят миру войной.

Принимая во внимание выдающиеся потуги участников парада в деле раздувания холодной войны, Крокодил считает совершенно необходимым наградить вышеперечисленных джентльменов медалью «Атомного моржа».

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

FOR COLD WAR

Ты шагнул одной ногой,
Угрожая нам.

Берегись шагнуть другой —
Подорвешься сам!

С. МАРШАК

ВЫ ПРОСИТЕ ПЕСЕН?..

ПЕВЦОВ сменяли куплетисты, музыкантов — фелетонисты. Своей очереди ждали дуэты и квартеты. Актеры нетерпеливо расхаживали по коридорам, толпились на лестнице, прополаскивали горло и натирали Smyчки...

— Адольф Яковлевич, — взволнованно шептал исполнитель неаполитанских песен, — у меня сегодня, кроме этого, три концерта... Я еще не обедал... «Цветок любви» вянет в ожидании...

— Не завянет, не дадим завянуть, — вытирая платком вспотевшую лысину, отвечал Адольф Яковлевич. — Вот сейчас выступит Александра Коваленко, после нее Леонид Кострица, затем Певзнер и Гуревич, братья Лебянские, а затем и ваш выход...

— Нет уж, позвольте! — возмущался исполнитель неаполитанских песен. — Я всякому не уступлю очереди... Я заслуженный...

— А что, по-вашему, Клавдия Шульженко не заслуженная?! Или Райкин не народный?! А ведь терпят, ждут...

Чей-то зычный голос возвещал:

— Ансамбль «Дружба» под управлением Броневицкого! Кончайте репетировать! Ваш выход! Приготовиться русскому эстраднему оркестру под управлением Зарицкого!..

Концертная баталия развертывалась. Бывалые ленинградские таксисты подбрасывали актерские силы к невзрачному полтораэтажному домику на Синопской набережной Невы, в котором в былые времена скрипела жерновами мельница купца Калашникова.

С некоторых пор в здании мельницы обосновалась ленинградская артель «Пластмасс», торжественно переименованная затем в фабрику «Пластмасс». На фабрике штампуют домино, шашки, штепсельные розетки и пластмассовые игрушки. Но, кроме того, она выпускает и продукцию, связанную с искусством. Фабрика имеет гальванический цех, где готовят матрицы пластинок, фабрика располагает пластиночным производством и студией грамзаписи. Вот эта-то студия и манит к себе слушателей муз...

Отдав должное искусству, актеры проходили в отдельную комнату, украшенную сейфом. Один за другим протискивались они к столу, чтобы расписаться в ведомости. Здесь их принимал все тот же Адольф Яковлевич Шляпоберский, по занимаемой должности мастер звукозаписи.

Расставшись с представителями искусства, Шляпоберский отводил душу в кругу деловых людей. Таковыми в бывшей артели, нынешней фабрике, он считал начальника снабжения и сбыта Амхира и начальника гальванического цеха Волова. Это трио имело свое собственное представление об искусстве. Оно не столько ценило его, сколько оценивало. Превыше всего котировались «Мишка», «Мой жених в футбол играет», «Мой милый купил машину», «Мой Вася».

И в самом деле, кого не растрогают такие, например, куплеты:

Милый мой купил машину
С красной стрелкой на часах.
Не диваны, но дружины,
Все четыре колеса...

А как игриво звучит другая песенка:

Мой жених в футбол играет,
Головой толкает мяч.
Целый день он повторяет:
«Матч, матч, матч...»

Истины ради заметим, что вкус трио формировался не вполне самостоятельно, а под влиянием спроса. Спрос на продукцию артели предъявляли Дзбельский райпромкомбинат (Латвийская ССР), львовская артель инвалидов «Химтруд», Куйбышевский промкомби-

нат города Ташкента, одесская артель «30-я годовщина Октября», учебно-производственное предприятие грузинского общества глухонемых, абхазское учебно-производственное предприятие общества слепых и т. д.

Шляпоберский вел дело энергично и рентабельно... Помимо обычных денежных расчетов, существующих между предприятиями, он брал за каждую матрицу от двадцати до сорока рублей наличными. Кроме того, при подписании договора на поставку матриц взимался единовременный калым в размере четырех тысяч рублей хрустящими бумагами. Вся эта операция именовалась «снятием пенок».

«Пластмасс» имел договоры с двадцатью городами; в каждый город ежемесячно отправлялось до сотни матриц. Ясно, что при таком размахе хруст бумаг не мог не достичь ушей председателя артели, а впоследствии директора фабрики Степанова и главного инженера Стожьева. Дабы этот хруст был приятен и начальству, трио учредило для них твердые оклады — по тысяче рублей в месяц каждому. Степанов и Стожьев ничего не должны были делать. Точнее, они должны были делать вид, что ничего не слышат и не видят.

«Пенки» высылались в письмах, бандеролях, посылках. Участники музыкально-взяточнического ансамбля понимали друг друга с полуслова. Когда некоему Якобсону спешно понадобились матрицы, он вложил определенное количество сторублевых купюр между страницами книги «Горные орлы» и отправил ее Шляпоберскому простой бандеролью, не написав даже обратного адреса. И Адольф Яковлевич тут же выслал Якобсону соответствующее количество матриц. По названию книги он безошибочно определил, что в матрицах нуждается не кто иной, как житель кавказских гор.

Но чаще наличные передавались из рук в руки. Из разных городов страны — ближних и дальних — коммивояжеры Шляпоберского прибывали в Ленинград за свой счет. На подобное расточительство они пускались, конечно, не ради песен и музыки. За проданные налево «Мишку» и «Ваську» они получали сполна. Хватало не только на поездки «по делам службы», но и на черноморские курорты и на дороге покупки себе и своим родичам.

Начальник цеха Добельского промкомбината Латвийской ССР Бройтман, полгода пообщавшись с искусством, купил в Риге каменный двухэтажный особняк с центральным отоплением и гаражом. Собственный автомобиль Бройтман покупать не стал. Для ежедневных поездок на работу в Добель, за семьдесят пять километров, его вполне устраивало такси «ЗИМ». А некто Бутин на те же доходы загрозил свою квартиру мебелью и прочим бытовым оборудованием на 350 тысяч рублей.

Много инициативы проявляло трио в поисках «ходовых» исполнителей. Прослышал

как-то Шляпоберский, что признанный киноактер Кадочников задумал получить признание и как певец, и решил пойти навстречу этому благородному устремлению.

— Ну, нет у него голоса, ну, одним безголосым певцом станет больше! — рассуждал практичный Адольф Яковлевич. — Зато каждая обожательница его таланта приобретет хотя бы по одной пластинке. А наше дело — снять пенки!

Популярный киноактер не заставил себя долго ждать. Он приехал на предприятие, производящее домино и штепсельные розетки, и запел-зашептал:

Синие, серые,
Черные, карие
Или лазурные,
Как бирюза...

Как-то на студию забрели куплетисты П. Рудаков и В. Нечаев. С большим подъемом они исполнили сатирические куплеты под названием «Вот какой рассеянный»:

Приобрел он обстановку
И квартиру первый сорт,
А потом достал путевку,
Чтоб поехать на курорт.
Побывать хотел в Крыму,
Но попал, увы, в тюрьму...

Вопреки ожиданиям исполнителей куплеты не вызвали восторга. Более того, хозяева студии узрели в них злой намек.

— Это кто в тюрьму? Мы в тюрьму? — возмутился Амхир. — Чтобы больше этих сатириков и всяких фелетонистов и ноги здесь не было!

Иначе рассудил Шляпоберский.

— Наоборот, — сказал он. — Надо чаще пользоваться их услугами. Если мы будем приглашать к себе сатириков — значит, мы их не боимся. Вот возьму да и приглашу самих Тарапуньку и Штепселя.

— Тогда уж лучше сразу пригласить ОБХСС, — иронически молвил Амхир.

Но Шляпоберский был неумолим. И вскоре на бывшей калашниковской мельнице бодро прозвучало знакомое «Здоровеньки булы!».

Ю. Тимошенко и Е. Березин исполнили фелетоны о том, «Как в Париже пьют», рассказали про соседей Тарапуньки, поделились опытом строительства бань и, вполне довольные гастролями, уехали в Москву. Речи их записали, перевели на матрицы, разослали во все двадцать городов и наштамповали горы пластинок.

И все же П. Рудаков и В. Нечаев оказались в некотором смысле провидцами. Музыкальный бизнес накрыли. Хватило работы и суду и прокуратуре. Ловких дельцов изловили и посадили. Были обнаружены и их опекуны. В письменном столе директора фабрики нашли «тематические планы выпуска грампластинок». В конце каждого такого плана красуются собственноручные подписи членов художественного совета студии грамзаписи «Пластмасс».

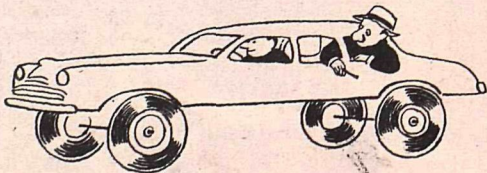
В числе поклонников «Мишки» и других шедевров оказались член Ленинградского отделения Союза композиторов Адмони, представитель Управления культуры Ленинградского облисполкома Гамбурцев и профессор Ленинградской консерватории Мусин.

Так немзыкально закончилась эта музыкальная история. Пусть тот, кто поет ради славы, прежде чем петь, задумается: где петь, для кого петь, что петь и, главное, под чью дудку петь.

Пусть это пожелание учтут и те, кто поет не ради славы...

А. ГОЛУБ

Ленинград — Рига.

КРАТКОЕ ПОСОБИЕ

для написания пьес и сценариев на современную тему

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ПРИМЕРНАЯ СЮЖЕТНАЯ КАНВА

1. **Директор завода (фабрики)**, он же иногда председатель колхоза (райисполкома). В прошлом сознательный, ныне бессознательный и даже отрицательный. Приехал в город (село, район), когда он (город, село, район) был пустым местом. Жил в землянках и создавал оный город (село, район), чем теперь и попрекает юного положительного героя. В погоне за славой и процентами подает в совнархоз (область) неверные сводки. Противится явно гениальным проектам (изобретениям, рацпредложениям) положительного героя. В детективных вариантах попадает под влияние диверсанта. Иногда имеет дочь, тяжело переживающую заблуждения отца. Посрамлен общезаводским (колхозным) собранием. После чего осознает свои ошибки.

2. **Положительный герой** (агроном, инженер, рабочий, колхозник). Юный, с открытой для добра душой. Желательно с гитарой, обязательно безголовый. Изобретает. Конфликтует с директором (председателем). Изгоняется с завода (фабрики, села). Бродит в одной майке под дождем (осенью), в легкой куртке на фоне толпы в полушубках (зимний вариант). Не простужается. Любит дочь директора (председателя). На общезаводском (колхозном) собрании побеждает директора. Зла не помнит.

3. **Дочь директора (председателя)**. Иногда имеет собаку, которая в самый кульминационный момент (под дождем) бросает отрицательного хозяина и идет за положительной хозяйкой к не менее положительному герою. Когда героя увольняют, дочь поет вместе с ним под аккомпанемент дождя и гитары грустную (веселую) песню со словами, не имеющими никакого отношения к сюжету фильма. В детективных вариантах собака принадлежит следователю (пограничнику), находит след преступника (диверсанта).

4. **Мудрый дед** (очень редко бабка). Любит водку (в меру, конечно) и старинные русские поговорки. Предельно сознательный. Жил когда-то вместе с директором (председателем) в землянках и строил город (село, район). На этом основании говорит директору (председателю) «ты» и режет правду-матку. Ныне занимает скромную должность сторожа (счетовода). В детективных вариантах под проливным дождем разоблачает преступника (диверсанта).

5. **Витка и Митка** (Петька и Федька) — дружки-рационализаторы, которым директор (председатель) тоже не дает хода. Иногда внуки (сыновья) мудрого деда. Что-то мастерят из отходов заводского (колхозного) сырья, которое тоннами валяется на заводской (колхозной) свалке и о котором директор (председатель) понятия не имеет. В конце фильма едут учиться в институт.

6. **Следователь (пограничник)**, присутствует в детективных вариантах. В иных случаях его место занимает ученый (изобретатель). Не спит ночами напролет. Имеет малыша сына (внука, внучку), который (ая) на протяжении фильма болен (больна). В перерывах между допросами (открытиями, изобретениями) звонит домой крошечной дождливой ночью, спрашивает, какая температура у сына (внука, внучки).

7. **Жена следователя** (пограничника, ученого, изобретателя). Лицо эпизодическое. Появляется для того, чтобы спросить мужа: «Опять сутки не спал (не ел)?»

8. **Дождь (метель)** — необходимый для развития действия элемент. По ходу действия может быть еще пожар. Во время пожара

ЗАТЯЖНАЯ ИСТОРИЯ С ИСТОРИЕЙ

Рисунок А. КРЫЛОВА по теме В. Сподаря (г. Киев), присланной на конкурс.

Подписка на «Всеобщую историю искусств» проведена еще в 1956 году, но до сих пор из 6 томов вышел только один.

В. Серов. «Девочка с персиками».

И. Крамской. «Незнакомка».

Как могут измениться некоторые художественные произведения, пока будет издан последний том «Всеобщей истории искусств».

положительный герой, которого зря оклеветали, выносит из горящего дома потерявшую сознание женщину.

Если пожара нет, — пусть будет наводнение. Тут тоже можно проявить героизм. Но и на наводнении свет клином не сошелся. Герой может спасти человека, провалившегося под лед.

Дабы все это звучало более убедительно, вставьте в дикторский текст известные слова: «В жизни всегда есть место подвигам».

Это застрахует вас от нападков критики в том, что слаба мотивировка и много случайностей.

Время действия: зима, весна, лето, осень. В любое время года желательны южные пейзажи. В крайнем случае они могут фигурировать в виде снов, воспоминаний, мечтаний, бреда (героя, борющегося с пургой, тайгой, неурядицами и отрицательными персонажами).

Место действия: завод, колхоз, райцентр. Желательно в южных краях, что даст труппе и автору приятную возможность выехать к экзотическим берегам Черного моря (Крым, Кавказ).

Умело оперируя вышеперечисленными элементами (действующими лицами), автор имеет верную сюжетную канву, на которой может вышивать определенные узоры, рассчитанные на количество актов или метров киноленты, необходимой для полнометражного фильма.

При строгом соблюдении вышеозначенных пунктов автор может надеяться на заключение договора с театрами, студиями телевидения и киностудиями.

Мария ГЕНИНА

Рубан

Когда в порядке безвозвратных ссуд
Тебе даянья в кабинет несут,
Взгляни в окошко. Видишь этот домик?
А что на нем написано!

«НАРСУД»!

* * *

— Цветет закат, и на душе светло,
Играет радио, и в доме так тепло.
Скажи, мой друг, ответь, что ж ты
не весел!

— От легкой музыки на сердце тяжело!

* * *

Навстречу трусости всегда идет отвага.
Счастливец противостоит бедняга.
Все в нашей жизни тесно сплетено:
Стиль — это человек, нечеловек —
стиляга.

* * *

Не справился с работой мой приятель.
Сняли,
Потом повысили. Не оправдал. Убрали.
Теперь назначили опять. И снова
с повышеньем.

«Паденьем вверх» мы этот факт назвали.

* * *

— Скажи, мой друг, в чем бед моих
источник!

Ведь я не бузотер, не горлохвост,
не склочник!

— Мне твой начальник как-то вскользь
заметил,
Что у тебя негибкий позвоночник!

Виктор ДРАГУНСКИЙ

ЛОПАТА—ЭТО ВЕЩЬ!

НА ЧЕТЫРЕСТА второй странице двадцать пятого тома Большой Советской Энциклопедии из обстоятельной и хорошо иллюстрированной статьи «Лопата» можно узнать, что «орудия для срезания и перемещения грунта» бывают самые разнообразные. Подробно описываются: лопата тракторная («скрепер»); лопата механическая («один из видов основного землеройного механизма — экскаватора»); лопата пневматическая («механический рыхлитель грунта»)... и всего лишь несколько малопочтительных слов сказано в статье о лопате ручной («верхний край лезвия отогнут для удобства надавливания ног»).

Между тем на нашем заводе и по сей день главным механизмом для срезания и перемещения грунта остается заступ, и все землеройные работы осуществляются именно методом «надавливания ног».

Не мудрено, что почти половина всех рабочих у нас занята на малопродуктивных ручных работах, стыдливо называемых подсобными. При желании по нашему заводу можно провести поучительную экскурсию на тему о пользе механизации. Только доказывали бы мы эту пользу от противного. Так, мы без всякой гордости можем подтвердить, что несколько десятков землекопов действительно заменяют один отсутствующий скрепер или экскаватор. Глядя, как трудятся наши строители, легко подсчитать, сколько подсобников могли бы высвободить бетономешалки и краскотерки, подъемные краны и подвижные транспортеры. Большую пользу принесло бы изучение труда наших рабочих, которые обходятся без электротельферов, талей, электрокаров, без отбойных молотков, электросверл и электрорубанков...

Не думайте, что страдаем от недостатка малой механизации только мы. Даже в некоторых первоклассных цехах машиностроительных заводов можно увидеть такую малопривлекательную картину: стоит новенький, совершенный станок — чудо автоматика, а то и целая линия таких станков. А рядом пылят подсобники: либо подносят тяжеленную деталь, либо оттачивают вручную, либо поддерживают... Нехорошо! Некрасиво!

Мы уже лет шесть пытаемся выяснить: кто же должен заботиться об оснащении предприятий малой механизацией? Сначала обращались в наше бывшее министерство, теперь запрашиваем Ленинградский совнархоз, а результат тот же.

Как-то так получилось, что все относящееся к большой механизации: станки, машины, оборудование — планируется и производится в общегосударственном масштабе. А вот о малой механизации планирующие органы забыли. И совнархоз, видимо, не знает, как подступить к этой проблеме: то ли строить специальный завод, то ли ждать, пока Госплан за это дело возьмется...

В. ТЕРЕХОВ,

начальник отдела технического снабжения
Тихвинского глиноземного завода

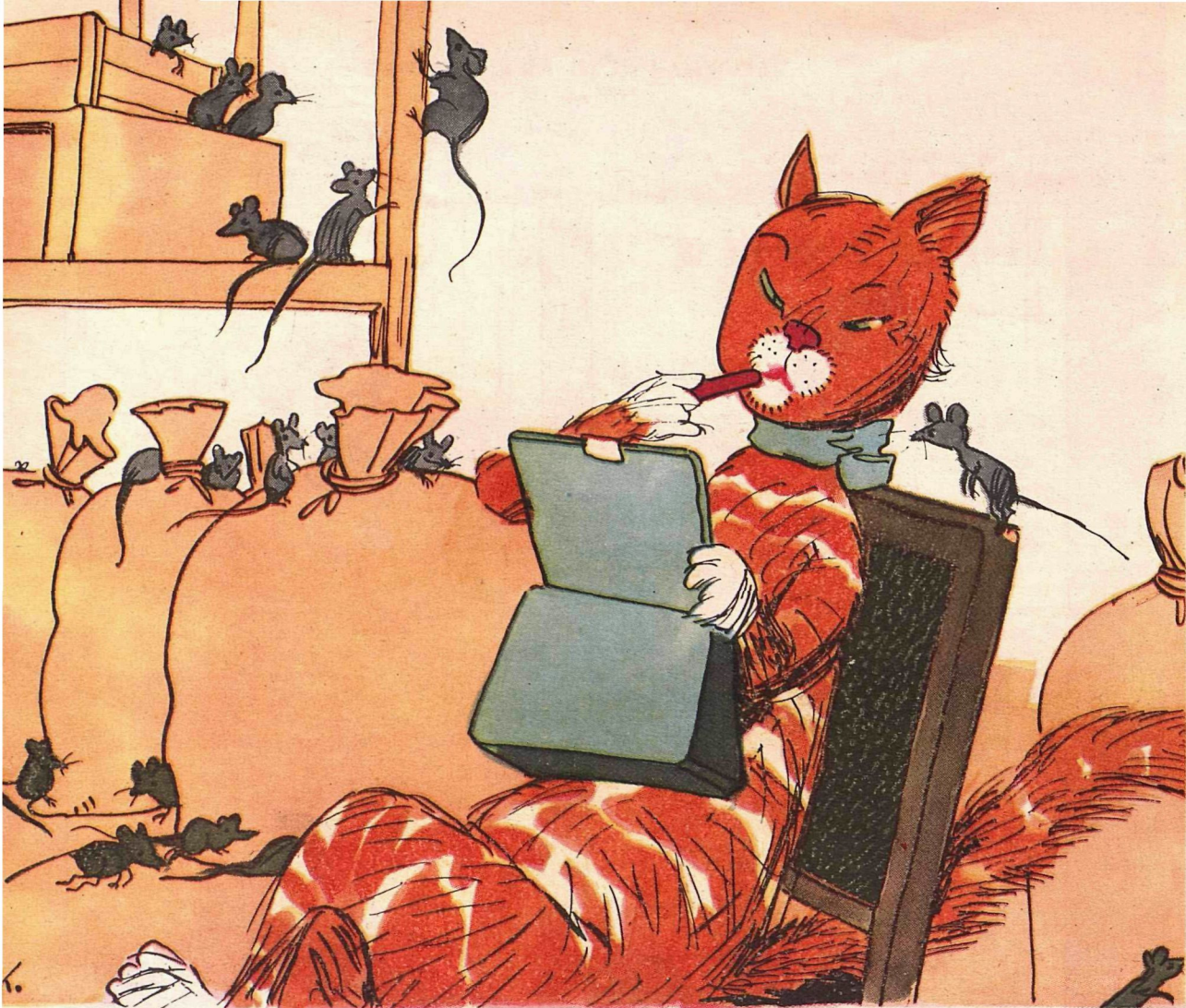

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

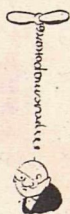
— Эх, поймать бы кота хорошего, и тогда не надо будет мышей ловить!

ИРОНИЧЕСКАЯ СМЕСЬ

ПРОЩЕ ПРОСТОГО

Обсуждая одно сочинение,
Мы спросили у критика мнение.
Поделиться
Не хочет он мнением.
Почему же!
А за неимением.

В. ЛИФШИЦ

«ЯЗЫКОТВОРЕЦ»

— Узаконить он хочет такие слова,
от каких, как от водки, трещит голова!

Узаконить не прочь
«кормодень», «бычкочас»,
ну, и «тракторночь!»

М. ПРОСВИРНОВ

ВЕСКАЯ ПРИЧИНА

У романиста зрелого в вагоне
Спросил юнец, сидевший визави:
Мол, почему он в книгах не затронет
Всей глубины и сложности любви!
И романист, давно решив проблему,
Обосновал позицию свою:

— Писатель должен вжиться в эту тему,
А я в законном браке состою...

Ю. БЛАГОВ

ЧЕГО НЕТ, ТОГО НЕТ

Твою мне книжку довелось прочесть.
Там есть хороших строчек дюжина,
И беспокойство вроде как бы есть,
Но скромности не обнаружено!

АРГО

СОН В РУКУ

Он темы брал из сновидений
И этак быстро написал
Два тома страшных приключений.
И знаменитым вскоре стал.

Пускай читатель возмущен,
Пускай, читая, терпит муку...
Ему-то что! Ему ведь сон,
Как говорится, прямо в руку!

П. ОРКИН

ОПАСНЫЙ СЛУЧАЙ

К писательству питая страсть
И понимая конъюнктуру,
Он перед тем, как в детство
впасть,
Впал... в детскую литературу.

Евг. ИЛЬИН

ВЕРНИ, Я ВСЕ ПРОЦУ

В Ангарском УРСе все деловое. И сама обстановка, и люди, и папки. Вот только отношение деловых людей к деловым папкам не всегда деловое. И об этом снабженцы широко и чистосердечно известили горожан. На многих домах по улице Глинки появились красноречивые объявления:

«ТОВАРИЩИ ЖИТЕЛИ!

В воскресенье, 4 января с. г., в мусорный ящик около кинотеатра «Прогресс» были ошибочно выброшены две деловые папки. Просьба к подобранным папки вернуть УРСу (ул. Глинки, дом № 2).

Не сообщили авторы объявления лишь одного: предусмотрено ли вознаграждение и кому какое?

ПОДЗАЩИТНЫЙ ЗАЩИТНИК

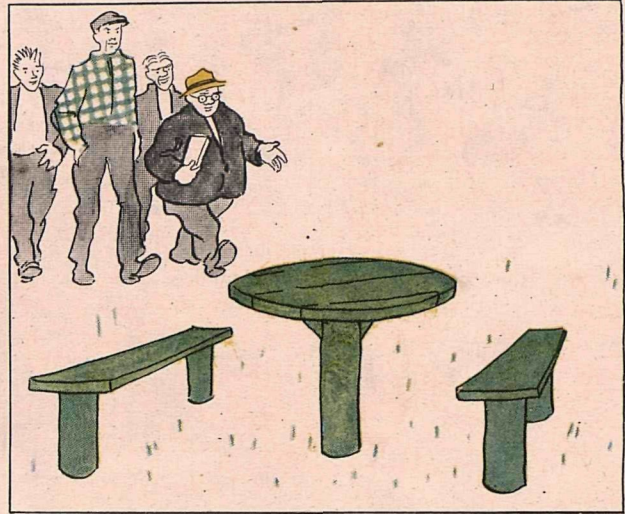
ЖИТЕЛИ села Тыгда, Амурской области, переживают мрачные дни. В район прибыл адвокат А. Д. Громов, в прошлом работник прокуратуры, ныне алкоголик. Вступив в должность, он развернул широкую деятельность по уничтожению спиртных напитков в округе путем приема их внутрь.

На глазах у изумленных жителей поселка новый жрец правосудия разгуливает в пижаме по центральной улице и, держась руками за заборы, произносит пламенные защитительные речи в пользу пьянства.

В поисках вещественных доказательств

адвокат Громов посетил не так давно продовольственный магазин, где попросил у продавца пол-литровую бутылку водки. Затем он откупорил ее и «приобщил к делу», после чего, не уплатив денег, отбыл в нарсуд для участия в очередном заседании.

Как сообщает прокурор Тыгдинского района, местные подсудимые дружно отказываются от услуг пьяного защитника. Зато сам Громов постоянно состоит под защитой председателя президиума областной коллегии адвокатов Д. И. Невзорова, который уже не первый год спасает закоренелого пьяницу, перекидывая его с места на место.

Отклики и реплики

СТОРОННИКУ ХВОСТОВОЙ ПРОБЛЕМЫ, А ИМЕННО—ДИРЕКТОРУ ВСЕСОЮЗНОГО ИНСТИТУТА ЖИВОТНОВОДСТВА ЧЛЕНУ-КОРРЕСПОНДЕНТУ ВАСХНИЛ Н. М. БУРЛАКОВУ

В ШЕСТОМ номере Крокодила был опубликован фельетон «Хвостовая проблема». Речь в нем шла о тех ученых мужах, кои берут науку не за рога, а совсем за противоположный конец. Точнее, говорилось о той псевдонаучной возне, которая возникла вокруг вопроса об ампутации овечьего хвоста.

Судя по Вашему гневному письму в редакцию, Вы недовольны этим выступлением. Вы считаете, что фельетон «опорочивает» саму обрезку бараньего хвоста, в то время как мы выступали лишь против раздувания одного из простых зоотехнических приемов в великую проблему.

Вы обиделись на нас за то, будто мы утверждали, что приоритет в теории овечьего хвоста принадлежит сотруднику Донского института Евгению Друзеву, а маститые ученые подведомственного Вам института А. В. Васильев, А. И. Николаев и Г. Р. Литовченко якобы пошли по стопам этого первооткрывателя. Боже упаси, не могли мы допустить такой оплошности! Е. Друзев еще к овцам и близко не подходил, когда в трудах Ваших коллег уже давались наставления о том, как сделать барашка куцым (см. А. И. Николаев «Овцеводство», стр. 240; А. В. Васильев и Г. Р. Литовченко «Овцеводство», стр. 112). Не знаю, почему Вам представилось в фельетоне все вверх тормашками. Не могло ли случиться, что Вы читали его не с того конца?

Защищая хвостовую проблему, Вы ссылаетесь на известного ученого зоотехника Павла Николаевича Кулешова, который, мол, тоже указывал на обрезку хвостов у ягнят. Но этой ссылкой, любезный Николай Михайлович, Вы подкашиваете сами себя под корень. П. Н. Кулешов говорил: «Операция эта... с успехом делается каждым овчаром, а поэтому не заслуживает описания».

Так зачем же копыя ломать?

Хотя и гневаетесь Вы на меня, Николай Михайлович, но, сдастся, головному Вашему институту следовало бы глядеть дальше овечьего хвоста.

Ваш Крокодил

Нам сообщают

ТОВ. МАРЦИНСКИЙ ПЕРЕВОЗИТ СЕБЯ

В № 6 нашего журнала опубликован фельетон «Чары Розины» — о том, что кое-кто из руководящих работников Вологодского совнархоза смотрит на свою работу в Вологде как на временную и поэтому не желает перевозить сюда свои семьи. Сами они довольно часто выезжают в столицу.

Фельетон был обсужден на бюро Вологодского областного комитета партии. Председателя совнархоза тов. Петрушу и его заместителей бюро обкома обязало в ближайшее же время перевезти свои семьи в Вологду.

Что касается заместителя председателя совнархоза

А. Марцинского, то за категорический отказ перевезти семью из Москвы в Вологду он снят с работы, получив таким образом возможность «перевезти» самого себя из Вологды в Москву.

ДОМОВЫЕ КУХНИ БУДУТ ЖИТЫ

В № 5 Крокодила был опубликован фельетон С. Шатрова «Вслед за сказкой». В нем говорилось о плохой работе домашних кухонь в городе Иваново. Из Ивановского горисполкома и областного управления торговли нам сообщили, что намечено проведение целого ряда мероприятий, направленных на удешевление и улучшение качества обедов

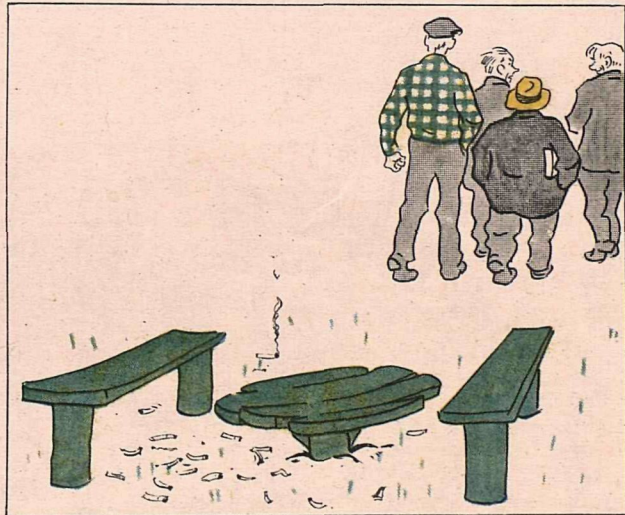
в домашних кухнях. Значительно расширяется ассортимент блюд.

СПАСИБО ЗА ПОМОЩЬ

В № 7 Крокодила работники ремонтно-строительного цеха завода по обработке цветных металлов города Каменск-Уральского писали, что Свердловский совнархоз плохо обеспечивает их пиломатериалами.

Как написал нам начальник цеха тов. Масленников, положение после вмешательства Крокодила «коренным образом изменилось. Пиломатериалы мы получаем сейчас в нужном ассортименте и в таком количестве, какое нам и не снилось. Спасибо за помощь».

Право, приятно получать такого рода сообщения!

Забивали «козла».

Поговорим за жизнь

Газета «Советская Абхазия» вырастила на своих страницах сатирический отдел «Кактус». Очередной колючий репортаж начинается такой фразой: «...читатели соскучились за неугомонным репортером».

Мы не будем говорить за юмор и сатиру, но за грамотность скажем: «Плохо!»

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (заместитель главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Издательство «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

А 03329. Изд. № 619. Подписано к печати 29/IV 1959 г. Формат бум. 70×108/8. Заказ № 1068. Тираж 1 200 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Ш

11 М

Всесоюзная
Книжная палата
Обязат. экзempl.
1959 г.

OLLIE HARRINGTON

— Дайте нам работу, а не бомбы!